

Пусть не прошло и часа с тех пор, как он ублажил себя сам, сейчас Вэнь Цинлинь ощутил, как к нему подкатывает самое настоящее, подлинное вожделение. Шэнь Тинюань стоял в трёх метрах, но от одного его взгляда по коже Цинлиня бежали горячие искры, готовые вот-вот вспыхнуть степным пожаром.

Обжигаяще жарко.

Причина, пожалуй, крылась в неожиданной реакции Шэнь Тинюаня: за всё время их брака тот впервые предложил предаться страсти среди бела дня.

При этой мысли губы Вэнь Цинлиня тронула легкая усмешка. Он не стал давать прямого согласия или отказа, а лишь повернул голову к окну и с нескрываемой иронией заметил:

— Директор Шэнь, солнце ведь ещё не село.

Подкол читался без труда: ты уверен, что хочешь предаться разврату средь бела дня?

Едва слова слетели с губ, как Шэнь Тинюань заметно напрягся. Цинлинь тут же всё понял: тот, скорее всего, рассчитывал на вежливый отказ.

Его обдало легким уколом разочарования. Вэнь Цинлинь уже собирался дать отбой и перевести всё в шутку, когда Шэнь Тинюань заговорил первым:

— Учителя Вэня это смущает?

Вопрос застал Цинлиня врасплох. Разве не сам Шэнь Тинюань только что колебался? С чего вдруг смущаться ему?

Однако его секундное замешательство собеседник истолковал по-своему. Пальцы Тинюаня, сжатые за спиной, разжались и снова впились в ладони — он изо всех сил подавлял нахлынувший порыв. Голос его звучал глухо и размеренно:

— Значит, самому по себе — можно, а со мной — нет?

Вэнь Цинлинь впервые осознал, насколько же далеко может зайти фантазия его мужа. Он ведь ещё слова не успел вымолвить, а тот уже решил, будто Цинлинь готов ублажать себя в одиночку днем, но отказывается в этом супругу.

Это показалось нелепым и смешным. В Вэнь Цинлине проснулась жилка подстрекателя. Изогнув бровь, он лукаво спросил:

— А если я отвечу «да», что вы будете предпринимать, директор Шэнь?

Зная Шэнь Тинюаня, Цинлинь ждал привычной сухой вежливости в духе: «Учитель Вэнь, я не стану навязывать вам свои желания».

И начало фразы действительно вполне соответствовало ожиданиям:

— Учитель Вэнь...

Вэнь Цинлинь уже потерял интерес и слегка скривил губы. Но продолжение перечеркнуло все его догадки.

— Я попрошу вас дать мне возможность загладить вину, — твёрдо произнес Шэнь Тинюань. — Прямо сейчас.

На слове «сейчас» он сделал едва заметный акцент.

И хоть тон его оставался подчеркнуто учтивым, даже смиренным, смысл не допускал никаких отступлений.

Вэнь Цинлинь на мгновение замер. Игривый азарт вспыхнул с новой силой. Отбросив лишние словесные экивоки, он просто шагнул вперед и протянул руку к пуговицам на рубашке мужа, давая исчерпывающий ответ: «Хорошо, давай. Заглаживай вину. Прямо сейчас».

Шэнь Тинюань рвано перевел дыхание.

В следующее мгновение земля ушла из-под ног Вэнь Цинлиня: подхватив его под спину и колени, Шэнь Тинюань легко поднял его на руки.

Опомнился Цинлинь только тогда, когда оказался на широкой кровати в спальне мужа...

Он... подхватил его на руки, как барышню?!

Легкое смущение от столь двусмысленного жеста быстро уступило место чистому изумлению. Рост Вэнь Цинлиня составлял метр восемьдесят, он стабильно занимался спортом и, хоть и выглядел стройным, обладал развитым мускульным рельефом. До брака, когда они выходили куда-то с Тун Нином, их вечно принимали за пару, причём Цинлиня неизменно считали активом...

Шэнь Тинюань был выше его всего сантиметров на восемь и вовсе не напоминал раскачанного бодибилдера. Как он умудрился поднять его так шутя, без малейшего усилия?!

— О чём ты задумался? — низкий голос Тинюаня вернул его к реальности.

— О том... — Цинлинь открыл глаза и честно признался: —...что директор Шэнь куда сильнее, чем я думал.

Помявшись секунду, он решил окончательно разрушить собственное обещание не устраивать бессмысленных проверок и с улыбкой добавил:

— Не ожидал, что меня кто-то способен вот так запросто утащить на руках. Встречаясь с Тун Нином, я всегда казался окружающим ведущим в паре.

Вэнь Цинлинь прекрасно понимал: ни один мужчина не обрадуется, услышав в такой момент имя другого. Он сбывал провокацию сознательно, поджидая реакцию.

Но реакции не последовало.

Стоило последнему слову слететь с губ, как Шэнь Тинюань рывком перевернул его на живот, заставив полностью обнажить спину.

— Учитель Вэнь, — голос мужа стал темным и хриплым. Он проигнорировал выпад, лишь произнес чеканно: — Если станет неважно — скажи мне.

С этими словами его пальцы коснулись пояса серых брюк Цинлиня...

Вэнь Цинлинь в каком-то туманном полузабытьи подумал: Шэнь Тинюаню, похоже, действительно чертовски нравится делать это сзади... Сколько они жили вместе, каждый их раз проходил именно так.

Впрочем, размышлять стало некогда.

Его захлестнула бурлящая волна, подхватила и понесла по невидимым порогам.

В спальне не были задернуты шторы. Послеполуденное солнце заливало комнату, лаская полузакрытые глаза Вэнь Цинлиня, скользя по смятым простыням, выхватывая из тени напряженный подбородок Шэнь Тинюаня, его рельефные плечи и предплечья...

В каждом движении сквозила отчаянная борьба между животным оскалом страсти и жестким самоконтролем. Напор, жажда подмять под себя, забрать всё без остатка — и тонкая, натянутая до предела нить внутренней узды.

Солнечный свет превращал капли пота на лбу Шэнь Тинюаня в жидкое золото. Одна из них

медленно поползла по его строгой скуле, зависла на кончике подбородка и сорвалась вниз — прямо в ложбинку между идеально выточенными лопатками Цинлиня.

Прозрачная, обжигающая, как концентрированная эссенция витавших в воздухе чувств.

Тени на паркете причудливо сплетались и дрожали, точно нотные знаки на партитуре.

Но ритм оставался выверенным — Шэнь Тинюань сознательно сдерживал порывы, боясь переступить грань и причинить боль, храня ту хрупкую нежность, что теплилась в глубине его безумия.

Пересекающиеся вздохи и сбивчивый хрип переплетались, складываясь в рваную мелодию.

Говорят, пороки расцветают во тьме, но падение, происходящее при дневном свете, обладает особым, отрезвляющим и одновременно опьяняющим вкусом.

Когда вспышка ослепительно-белого света в мозгу угасла и тело замерло в последнем судорожном спазме, музыка наконец оборвалась.

Отхлынувшая волна оставила после себя звонкую тишину.

Спустя пару минут Вэнь Цинлинь поднялся, намереваясь покинуть кровать.

Но стоило ему спустить ноги, как запястье перехватила горячая ладонь. Шэнь Тинюань сидел прямо на полу, прислонившись спиной к рогожке кровати.

Прикосновение длилось лишь мгновение, но Цинлинь успел ощутить, насколько обжигающей была кожа мужа.

— Ты куда? — голос Тинюаня звучал хрипло, выдавая недавнюю бурю.

— За сигаретами, — коротко бросил Цинлинь.

Шэнь Тинюань на мгновение замер, но тут же поднялся на ноги:

— Где они? Я принесу.

Вэнь Цинлиню и впрямь не хотелось никуда идти, так что он с удовольствием опустился обратно на матрас и объяснил:

— В моей мастерской. Самый нижний ящик тумбы, слева.

Кивнув, Тинюань вышел.

Глядя ему вслед, Цинлинь соображал: а ведь муж, кажется, даже не подозревал, что он курит.

Когда они находились дома вдвоём, Цинлинь не прикасался к табаку — не из скрытности, а исключительно из вежливости к некурящему спутнику.

Что же касается «после»...

Тут складывалась довольно ироничная картина. За весь период брака они ни разу толком не спали в одной постели.

У Вэнь Цинлиня имелась собственная спальня. Они всегда занимались любовью у Шэнь Тинюаня, после чего Цинлинь уходил к себе, принимал душ, выкуривал сигарету и ложился спать.

Каждый у себя.

Это было условием самого Цинлиня: он мог спать с Шэнь Тинюанем, но не мог спать вместе с ним.

Разница между этими понятиями была колоссальной. Для первого требовалась только похоть, для второго — чувства.

А чувств между ними не водилось.

И вот сегодня Вэнь Цинлинь впервые не испытал желания сразу сбежать в свою обитаемую крепость.

Возможно, дело было в банальной усталости: два захода за день — это всё-таки нагрузка.

А возможно — и Цинлинь склонялся именно к этой мысли — Шэнь Тинюань сегодня вел себя совсем не так, как обычно.

Он по-прежнему был до крайности учтив и заботлив, чутко ловил малейшие изменения в движении мышц Цинлиня, подстраивал темп и глубину, боясь причинить неудобство...

По-прежнему идеально сдержан.

И всё же...

В ушах Цинлиня всё ещё стоял его сдавленный, хриплый шепот — куда более откровенный, живой и... чертовски будоражащий, чем когда-либо.

Цинлинь прищурился, смакуя это воспоминание.

— Держи, — раздался за спиной спокойный голос. Из-за плеча протянулась ладонь с пачкой.

Цинлинь обернулся, забрал сигареты, поблагодарил и выудил одну.

Шэнь Тинюань уже потянулся за зажигалкой, лежавшей внутри пачки, чтобы выбить искру, но Цинлинь мягко отстранился.

— Не нужно, — качнул он головой, сжимая сигарету губами, и сам умело щелкнул колесиком.

Затянувшись и выпустив сизую струйку, он искоса глянул на мужа:

— Ты ведь не знал, что я курю?

Дым слегка туманил его раскосые, с поволокой глаза. Шэнь Тинюань пару секунд молча всматривался в его лицо, затем отвел взгляд и негромко произнес:

— Знал.

Цинлинь удивленно моргнул, пытаясь вспомнить, где мог сплосать. Но не успел он размотать эту нить, как Шэнь Тинюань сменил тему:

— Учитель Вэнь, ты доволен сегодняшним «возмещением ущерба»?

От подобного прямолобого вопроса Цинлинь на мгновение опешил, но тут же стряхнул пепел и искренне признал:

— Весьма неплохо.

— В таком случае, — подхватил Шэнь Тинюань, — могу я попросить тебя говорить мне напрямую, когда у тебя возникнет... потребность?

Цинлинь соображал пару секунд, прежде чем до него дошло: его благоверный сейчас устраивает ему самый настоящий разбор полетов.

Припоминает ту аудиозапись.

Ощущение было совершенно новым и крайне любопытным. Сделав еще одну затяжку, Цинлинь с видом задумчивого превосходства протянул:

— А если мне приспичит, когда тебя не окажется дома?

И с искрой бесовства добавил:

— Ну, как сегодня, до твоего прихода?

Шэнь Тинюань на мгновение застыл, а потом твердо произнес:

— Ты можешь мне позвонить.

Поняв подтекст этой фразы, Цинлинь даже бровь поднял от неожиданности. Губы сами собой расплылись в усмешке:

— Позвонить тебе? Чтобы ты стонал мне в трубку?

Произнеся это, Вэнь Цинлинь сам поразился абсурдности картинки: застёгнутый на все пуговицы, строгий Шэнь Тинюань — прячется где-то в углу и тяжело дышит ему в телефон...

Однако Шэнь Тинюань, не моргнув глазом, ровно отозвался:

— Да.

Цинлинь азартно прищурился. Ему захотелось дожать ситуацию до предела:

— А если у тебя в этот момент идет важная встреча или переговоры с партнерами? Что тогда?

Шэнь Тинюань наяву лишь прикрыл глаза, загоняя рвущихся наружу бесов обратно в темную клеть.

Подавшись вперед, он без нажима вытянул дымящуюся сигарету из пальцев Цинлиня.

Прикоснувшись губами к еще влажному фильтру, сохранившему чужое тепло, Шэнь Тинюань сделал глубокий вдох, а затем через плотную пелену дыма посмотрел мужу прямо в глаза и тихо, с затягивающей поволокой в голосе произнес:

— В следующий раз, Учитель Вэнь... ты можешь записать меня на диктофон.

<http://bllate.org/book/20550/2106354>